

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ: СЕНТЯБРЬ 1984 ГОДА

Джеймс Пэйн (время и место рождения
неизвестны)

Ятиё Фудзинами, 61 год, род. в 1923 году,
разведена с 1970 года; живет в доме Фудзинами

РОДНЫЕ ДЕТИ:

Сын Таку, 38 лет, род. в сентябре 1946 года;
Фудзинами Хэйм, квартира 401

Сын Юдзуру, 37 лет, род. в 1947 году; Фудзинами
Хэйм, квартира 301

Дочь Рэйна (Леона Мацудзаки), 21 год, род.
в 1963 году; Фудзинами Хэйм, квартира 501

Икуко — жена Таку, женаты с 1976 года

Тэруо Мицумото, 52 года, род. в 1932 году,
второй муж Ятиё (с 1974 года); живет в доме
Фудзинами

Миюки Мицумото, 16 лет, род. в 1968 году, дочь
от первого брака Тэруо; живет в доме Фудзинами

І. Пролог. 1945 год. Шотландия

Шел апрель. Вдали от Японии, в горах на окраине деревни Фойерс в Шотландии, что на севере Британских островов, мужчина в одиночку неустанно строил причудливый дом.

Сперва он строил его вместе с отцом, втайне от жителей деревни выкладывая кирпичи по периметру стального каркаса, но, состарившись, отец решил поручить отделку сыну, удалившись спокойно доживать свои дни в деревенском доме у всех на виду, — поэтому жители деревни и не подозревали о строительстве тайного жилища в горах.

У необычного дома не было ни единого окна, хотя с вершины холма открывался прекрасный вид: стоя у входа, сквозь рощу буковых деревьев вдалеке можно было разглядеть вытянутое озеро.

В столь туманном регионе озеро можно было увидеть лишь в течение нескольких солнечных дней в году, но тогда оно было подобно блестящему ожерелью, достойному королевы, — сияло так, словно в его воде были спрятаны бриллианты, а стоило закатному солнцу опуститься, как его поверхность становилась золотой.

Мужчина не хотел, чтобы жители деревни, находящейся в получасе ходьбы от озера, знали о его секретном жилище, поэтому строил его глубоко в лесу, в удалении от горной дороги. Он намеренно выбрал заросли буковых деревьев, сквозь которые даже с воздуха невозможно было что-либо разглядеть. Мужчина осмотрительно не прокладывал дорогу к единственному входу — чтобы не протоп-

тать ее по склону холма. Снова и снова приходя к дому, он специально каждый раз подбирался к нему с разных сторон.

Мужчина был застенчивым и скрытным, поэтому не очень ладил с жителями деревни. Особенно тяжело ему давалось общение с женщинами — единственными его подругами могли стать разве что девочки лет десяти.

Мужчина был еще молод, ему только исполнилось тридцать, но он не испытывал нужды в деньгах — в Лондоне, большом городе на юге, у него была своя фирма, которой он управлял вместе с приятелем. И мог, не раздумывая, тратить любые суммы на подарки для знакомых детей.

Устав от строительства дома, мужчина, бывало, спускался с холма к озеру, чтобы отдохнуть. Каждую субботу туда на велосипеде приезжала девочка Клара, что жила вместе с матерью в деревне Даллес в десяти километрах отсюда. Она собирала редкие цветы, что росли у озера, чтобы к возвращению отца из города Инвернесс воскресным утром поставить их у окна.

Мужчина был поражен красотой девочки. Ее блестящие золотистые волосы вились, пушок на щеках и на шее также отливал золотом на солнце, даже ее длинные ресницы казались золотыми. У Клары была белоснежная кожа, нежные розовые губы и большие зеленые глаза, как у многих девушек этой северной страны.

Подружившись с девочкой, мужчина каждую субботу, прихватив с собой подарки и разнообразные угощения, отправлялся на встречу с ней на поляну у озера. И девочка со временем тоже стала с нетерпением ждать этих встреч.

Но мужчине этого казалось мало. Девочка была так мила и притягательна, что он хотел обнять ее и не отпустить, мирно спать рядом с ней... казалось, он был готов съесть ее.

Поэтому однажды мужчина убил Клару прямо в том самом лесу — он не мог даже подумать о том, чтобы попро-

щаться с ней до следующей субботы. Час разлуки приближался, а он не готов был с ней расстаться.

Утопив велосипед Клары в озере, он забрал ее тело, теперь принадлежавшее лишь ему одному, в свой секретный дом, что он строил на склоне холма. Той ночью он спал в обнимку с бездыханным телом девочки.

На следующий день он захотел еще крепче обнять златовласую головку Клары, поэтому отделил ее от туловища. Прижав голову к себе, он снова и снова гладил ее по волосам, целовал ее холодные щеки.

Затем он снял с нее всю одежду, разрезал ее живот и вынул все внутренние органы. Мужчина страстно хотел узнать ее секрет — понять, что же именно так привлекало его в этом маленьком незащищенном существе. Он полагал, что, изучив все ее части и потаенные места, он сможет понять, чем она так очаровала его.

Однако, чем дольше и тщательнее он рассматривал ее тело, тем меньше понимал причину своей страсти. Разделенное на маленькие отдельные кусочки плоти, оно все больше походило на тушки кроликов или собак, не вызывавших у него особых чувств.

Тогда мужчина, используя нож, с большим трудом вынул зеленые глаза девочки. Ведь, возможно, именно в них крылась причина его безумия?

На какое-то время это его удовлетворило. Он был счастлив петь и танцевать в одиночестве, бережно держа глазные яблоки Клары в руках, но постепенно улыбка стала исчезать с его лица — чистые зеленые глаза, так привлекавшие его своей красотой, помутнели и потеряли цвет.

Впав в уныние, мужчина полдня просидел без дела. Однако было необходимо как можно быстрее закончить строительство дома, чтобы успокоить отца. Кроме того, труп девочки, пропавшей без вести, нельзя было оставлять вот так — ее родители и полиция могли заявиться к нему, ведя поиски.

Мужчина решил спрятать останки в стене дома, который он строил. Стоит залить тело цементом — и о нем никто никогда не узнает!

Сперва мужчина смешал с цементом всю кровь, вытекшую из тела девочки. Затем пригвоздил ее останки к северной стене дома — он заново собрал ее тело из частей, постаравшись установить его вертикально, а голову присоединил к телу, намотав волосы на забитые в стену гвозди. Ему хотелось повторить особенно полюбившуюся сцену: прекрасная Клара, стоящая одна среди цветов на берегу озера.

Разместив тело девочки таким причудливым образом, мужчина отступил назад, чтобы хорошенько все рассмотреть. Он был впечатлен, уловив загадочную, странную красоту в открывшемся ему зрелище: девочка стала похожа на искусно изготовленную куклу, неживую и неспособную двигаться, но все же прекрасную. Она была подобна пригвожденной к стене бабочке с распростертыми крыльями, во много раз более впечатляющей, чем живая бабочка, летающая в поле.

Мужчина остался доволен результатом. Целый день он любовался Klarой, а потом принялся заливать ее останки цементом. Один толстый слой за другим, тщательно и аккуратно, пока труп девочки окончательно не пропал из виду.

Минуло десять лет, и беспорядки мировой войны утихли. Полицейский из деревни Даллес тщетно пытался выяснить, куда исчезла Клара, каждую субботу ездившая на озеро за цветами. Снова и снова прочесывая окрестности, он наконец нашел дом мужчины, скрытый глубоко в лесу.

Странный дом на склоне холма удивил полицейского. Зайдя внутрь, он был ошеломлен: в доме без единого окна царил крошечная тьма.

Обшарив весь дом с фонариком, полицейский не обнаружил ни единого намека на тело девушки.

Отчаявшись, он вернулся в Даллес и той же ночью, лежа в постели, вдруг подумал о той стене, где могли быть спрятаны останки.

На следующий день, прихватив с собой товарищей, полицейский вернулся в таинственный дом, чтобы разломать цемент в северной стене.

Но как же обстояло дело? Тело девочки попросту исчезло! Кто-то действительно спрятал тело Клары в стене давным-давно, но за десять лет оно окончательно испарилось, подобно дыму.

Однако полицейский из деревни Даллас не догадывался об этом, поэтому, пробив дыру не только в северной стене, но и в остальных трех, он, разочарованный, вернулся восвояси, коря себя за ошибку.

В конце концов пропавшую Клару так и не нашли, а похитивший ее преступник остался непойманным. Преступление не было раскрыто, и никто из людей, не раз тщетно пытавшихся разгадать эту запутанную загадку, так и не смог узнать ответ.

II. 1984 год. Станция Басямити

Шел сентябрь 1984 года. Лето только закончилось, а в воздухе уже разливались освежающие запахи осени. В то время в Йокогаме частный детектив Киёси Митараи был никому не известен, поэтому дома у нас клиенты не появлялись. Заказов на расследования совсем не было: стоило появиться хоть какому-нибудь интересному заголовку или газетной статье, как Митараи, казалось, был готов сам выйти на улицы и начать разноухивать. У меня тоже было довольно много свободного времени.

Возможно, дело было в обыкновенной осенней хандре, но в тот год я почувствовал себя особенно одиноким — не приглашая никого из друзей, бесцельно бродил в одиночестве по улицам Йокогамы, берегу моря и старым склад-

ским районам. Я мог часами рассеянно наблюдать за волнами, приближающимися к каменной набережной у моих ног, за опавшими листьями, покрывавшими поверхность воды, за струйками фонтана, неуклонно поднимавшимися, чтобы обрушиться вниз.

Вспоминая о том времени, я думаю, что был подавлен и испытывал некоторую ностальгию, возможно, из-за отсутствия в моей жизни любимой женщины. Слово «ностальгия» верно лишь отчасти — ведь Йокогама сперва была, так сказать, местом, вызывавшим именно горькие воспоминания. Стоило моему другу заговорить о переезде в Йокогаму, как я готов был кричать, что поеду куда угодно, только не туда.

Со временем мои душевные раны затянулись, и места, куда, как я думал, больше не смогу ступить при жизни, стали производить совсем иное впечатление — я был удивлен, как скоро смог спокойно ходить по дорогам вдоль городского канала и рядом с главным иностранным кладбищем. Подобно тому, как алкоголь из горького пойла, от которого воротить нос, постепенно превращается в сладкий нектар, эти места, порождавшие болезненные воспоминания, стали вызывать у меня теплые чувства.

В конце концов, я был очень благодарен Митараи, заставившему меня переехать в этот район, — без этой шоковой терапии я, возможно, не смог бы до конца своих дней даже приблизиться к Йокогаме.

Однако это была не единственная причина, по которой осенью 1984 года я бесцельно бродил по улицам. Сейчас я осознаю, что, возможно, чувствовал себя одиноким, потому что в кругу моего общения вообще не доставало женщин — чем старше я становился, тем отчетливее ощущал страх одиночества. Подсознательно я ждал, что, гуляя вот так по старым улицам этого приморского города, я встречу женщину — фантазия, порожденная прочитанными мной романами. Я был так молод тогда, что попросту не мог этого осознать.

Кроме того, я всегда страшно завидовал своему другу. Митарай словно существовал вне рамок обыденности — ни отсутствие женщины, ни однообразная повседневность не волновали его; не было даже видимости того, что он тосковал по любви.

Я мог дни напролет проводить в кресле, читая журналы или рисуя карикатуры, в то время как он спорил сам с собой о том, меняется ли вес волчка, если вращать его по часовой стрелке, а не против¹. Или же посреди рассказа о пяденицах², ползущих наперегонки по поверхности листа, он мог вдруг громко запеть непонятную песню на иностранном языке и удалиться к себе в комнату.

Видя друга в таком состоянии, я стал еще глубже впадать в депрессию и все чаще слонялся по городу, не желая возвращаться домой.

Однажды вечером, когда мой друг был занят уборкой, а я в одиночестве слушал музыку, зазвонил телефон.

Звонки крайне редко предназначались мне, поэтому я сперва окликнул Митарай, чтобы тот поднял трубку, но он,

---

¹ Речь идет о так называемом гироскопическом эффекте, который заключается в изменении веса вращающихся гироскопов (волчок, по сути, является простейшим гироскопом), причем в зависимости от направления вращения гироскопа происходит либо уменьшение, либо увеличение его веса. Это явление было открыто в 1958 г. физиком Н. Козыревым и впоследствии подтверждено другими исследователями.

² Пяденицы, или землемеры (*Geometridae, лат.*), — обширное семейство бабочек. Больше, чем бабочки, характерны гусеницы: они тонкие, длинные, с неразвитыми передними парами брюшных (ложных) ног, так что ложные ноги обыкновенно имеются всего в числе двух пар — на 7-м и 9-м кольце брюшка. Благодаря этому гусеницы ползают весьма своеобразно: укрепившись грудными ногами, гусеница изгибает среднюю (безногую) часть тела петлеобразно вверх и придвигает брюшные ноги к грудным; затем, укрепившись ложными ногами, вытягивает тело вперед, снова укрепляется грудными ногами и т. д. Таким образом ползущая гусеница как бы измеряет проходимое ею пространство пядью или землемерной цепью.

похоже, не услышал, полностью поглощенный мытьем посуды после ужина. Я был вынужден подняться и ответить.

— Алло, это дом господина Исиока? — вежливо спросил тихий женский голос.

Меня обычно не называли по фамилии «Исиока». К осени 1984 года я написал только две книги о работе Митараи, но даже его имя было куда известнее моего. Честно говоря, и теперь по фамилии меня мало кто зовет, разве что мои редакторы да собеседники помладше.

Кроме того, я никак не ожидал телефонного звонка. Что-то в этом женском голосе показалось мне странным, и я взволнованно задрожал.

— Верно, — ответил я неуверенно.

— Вы — Кадзуми Исиока? — спросила женщина.

— Это я.

Стоило мне ответить, как голос продолжил:

— Я — ваша преданная поклонница. Хотела бы узнать, можем ли мы как-нибудь встретиться за чашкой чая...

Ее слова меня ошастливили.

— Что ж, премного благодарен. У меня сейчас довольно много работы с книгами — заказы на иллюстрации, которые нужно закончить на этой неделе, — но, возможно, на следующей неделе мы могли бы...

В 1984 году я еще занимался иллюстрацией.

— А мы не могли бы увидеться раньше? Мне неловко вас торопить...

— Что ж, тогда в воскресенье...

— А пораньше?

— ...в субботу...

— ...раньше?

— ...в пятницу?

— Как насчет завтра? Мне очень неловко просить, но я как раз свободна завтра...

— Нет, не стоит... Завтра? Ну хорошо.

— Простите, пожалуйста! А в котором часу?

— Когда вам будет удобно?

Я был крайне взволнован предстоящей встречей с незнакомой женщиной.

— Я встречу с вами в любое время.

Ее голос звучал спокойно, но настойчиво.

— А где вы живете?

— В Исэдзаки-тё.

— Исэдзаки-тё? Это же совсем рядом!

— Да, поэтому я читаю все ваши книги. И иллюстрации тоже люблю...

— Благодарю. Тогда как насчет пяти часов вечера? Я прогуляюсь до Исэдзаки-тё.

— Простите, но можно в три часа?

— В три? Что ж... Наверное, да, могу. Куда мне подойти в три часа?

— Господин Исиока, вы женаты?

— Женат? Нет.

— А дети?

— Нет.

Затем мы поговорили о зодиаке и прогнозах. Митарай немного обучил меня разным способам толкования гороскопов, поэтому по опыту я знал, что женщина, вероятно, будет рада поговорить о любом гадании.

Она оказалась Скорпионом, и, сперва запутавшись в годе рождения, призналась, что родилась в конце 1951 года. Я повесил трубку в приподнятом настроении. Отправился на кухню, чтобы заварить чай, как будто желая налить и ей чашку. Впервые с самого моего рождения мне позвонила поклонница моих книг, моя поклонница!

— Кто звонил? — спросил меня вытиравший посуду Митарай, когда я уже собирался ставить чайник на огонь.

— Читательница. Призналась, что она — моя поклонница и хотела бы встретиться, — ответил я, будто пропев себе под нос.

Митарай вытер руки и переспросил: